Министерство образования и науки Украины

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков

Одесский Археологический музей Национальной Академии Наук Украины

Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья Национальной Академии Наук Украины

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск VIII

Одесса
ФЛП «Фридман А.С.»
2008

ББК 63.3(237Ук,7)
УДК 902/904
Д73

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол №5 от 12 февраля 2008 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. – 392 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов VIII Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 12-14 марта 2008 г. Выпуск включает статьи, посвященные проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:
Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.
Демин О.Б. – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.
Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.
Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.
Луговой О.М. – ответственный секретарь, технический редактор.
Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.
Руссев Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдова).
Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.
Смынтына Е.В. – д.и.н., проф., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:
Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.
Сорочан С.Б. – д.и.н., проф. кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука**, председателя Овидиопольского районного совета.*

ISBN 966-96181-5-0

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2008

Очевидно, описанное отношение к ростовщичеству было не только наиболее выгодным, но и единственно возможным в условиях христианского общества, которому не был чужд не только религиозный пуризм и фанатизм, но и чувство выгоды. Оно настолько сильно проникло в мировоззрение ромеев, что даже подаяние беднякам приравнивалось к займу, который давался не кому иному, как самому Богу: «Ведь говорят: «Кто дает бедному, тот ссужает Богу. А Бог святой воздаст…, и дарует царство небесное»[3].

---

[1] Le legende de S. Spyridon eveque de Trimithonte, 21 / Ed. P. Van den Ven. – Louvain, 1953. – P. 92.

[2] См.: Домановский А.Н. Об отношении к ростовщичеству в раннесредневековой Византии // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4-6 ноября 2004 г.). – Х., 2004. – С. 69-70; ср.: Домановский А.Н. Милостыня, ссуда и ростовщичество в ментальной картине мира ромея: опыт сопоставления // Курбатовские чтения. Материалы ежегодной межвузовской конференции по истории и культуре средних веков и раннего нового времени. – СПб., 2006. – С. 10-11; Домановський А.М. Державне регулювання лихварства у Давній Русі в порівнянні з ранньосередньовічною Візантією // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Тези доповідей V Міжнародної студентської наукової археологічної конференції (Чернігів, 14-16 квітня 2006 р.). – Чернігів, 2006. – С. 34-36.

[3] Еще история Человека Божьего, которая была записана в городе Риме, его божественном образе жизни и о том, как он покинул мир / Пер. А.В. Пайковой // Пайкова А.В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии. – Л., 1990. – С. 104.

Ю.П. Зайцев (Симферополь, Украина)

ВОТИВНЫЕ КЛАДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ III-I вв. до н.э. ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

С конца XIX в. в Северном Причерноморье находили так называемые «клады», датированные эллинистическим временем и состоявшие из разнообразных предметов конской узды, реже – в сочетании с оружием, шлемами и металлическими сосудами. Приблизительно до конца 80-х гг. XX в. большинство таких находок считали инвентарем разрушенных погребений[1].

Однако постепенно стало очевидно[2], что, несмотря на большое количество раскопанных курганов и некрополей, подобный набор предметов крайне редко был встречен в составе синхронных погребений. Когда же такие «клады» были обнаружены во время археологических

раскопок (Семеновка, Новые Бедражи, Снигиревка, Нововасильевка и др.), их непосредственная связь с захоронениями отсутствовала, а рядом были зафиксированы следы кострищ, скопления фрагментов разбитых сосудов и т.п.

В начале 90-х гг. XX в. по отношению к подобным находкам впервые были применены понятия «жертвенный комплекс»[3], «памятники поминального характера, связанные с воинским культом»[4] или «вотивные клады»[5]. Тенденция называть данную группу находок «странными комплексами»[6], проявившаяся в последнее время, связана с упоминанием этого словосочетания в одной из работ М.Б. Щукина[7].

Термин «вотивный клад» - русскоязычное словосочетание, производное от английского «votive deposition» и немецкого «Hortfunde, votive Hortfunde». Эти термины, несмотря на их определенную условность, постоянно применяются в европейской археологии с XIX в. и обозначают обширную категорию находок, прямо не связанных с контекстом поселений и захоронений[8].

В конкретном случае понятие «вотивный клад» относится к специально закопанным предметам конской узды, воинского снаряжения и сосудам, которые по условию находки не соотносятся с человеческими или конскими погребениями.

При этом такое определение не исключает жертвенного, поминального или любого другого характера этих находок.

Яркий и необычный состав вотивных кладов Северного Причерноморья в сочетании с трудностями хронологии и этнической интерпретации привели к формированию взглядов и мнений, часто прямо противоположных друг другу.

Сначала большая часть таких кладов считалась позднескифскими, с датировкой III-II вв. до н.э.[9], а некоторые – кельтскими[10].

Несколько позже, в русле разработки проблемы сарматского завоевания Скифии в III-II вв. до н.э., вотивные клады Северного Причерноморья стали практически единогласно определять как сарматские. При этом одни исследователи рассматривают их как свидетельство сарматского (сиракского) присутствия в регионе в III – начале II вв. до н.э.[11]. Другие связывают феномен вотивных кладов с событиями Митридатовых войн первой трети I в. до н.э.[12].

Недавно снова оформилась точка зрения, авторы которой отрицают их сарматскую принадлежность[13], тем самым как бы возвращаясь к определению их как поздних скифских.

На карте Северного Причерноморья одним из мест наибольшей концентрации вотивных кладов является его северо-западная часть, где известно 14 таких комплексов, 6 из которых исследовано археологически.

Анализ известных вотивных кладов как Северо-Западного, так и всего Северного Причерноморья, позволяет считать **предметы конской**

узды главным, диагностирующим их элементом и разделить эти клады на две основные группы. В первой группе в различных комбинациях представлено только конская упряжь. Во второй группе она сочетается с предметами вооружения и воинского снаряжения, а также с чашами из различных материалов.

В свою очередь, каждая из групп может быть разделена на подгруппы по способу помещения предметов в грунт: в металлическом сосуде, в шлеме и без вместилища. В последнем случае теоретически вероятны емкости из органических материалов – деревянные сосуды, мешки и т.п.

Основные категории находок вотивных кладов Северо-Западного Причерноморья:

1. Предметы конской упряжи: функциональные (удила, псалии, ворворки, подпружные пряжки) и защитно-декоративные (налобники, фалары, обоймы, подвески, крупные бусины, нащечники и т.д.).

По этому признаку клады Северо-Западного Причерноморья отличаются определенной спецификой. Так, например, только здесь найдены плоские бляхи-фалары (Новые Бедражи, Веселая Долина, Трушешти), обоймы-колечки (Снигиревка, Семеновка, Веселая Долина, Великоплоское), и т.н. «перстневидные» бляхи с зажимами (Великоплоское, Снигиревка).

Также любопытно, что только на этой территории (Бубуечь, Великоплоское, Новые Бедражи, Веселая Долина) сосредоточены „кладовые“ находки фаларов и других украшений сбруи особой стилистической группы, отличительными чертами которой являются плоский фон, зональное деление композиции, геометрические орнаменты, схематичное изображение людей и животных[14].

Бронзовые пластинчатые налобники с крючком (Великоплоское, Снигиревка, Нововасильевка, Семеновка, Тараклия, Бубуечь) имеют одну характерную локальную особенность, неизвестную на других территориях – сильно расширенную секировидную лопасть.

Особое место в системе доказательств принадлежности вотивных кладов сарматам/сиракам было отведено железным удилам с крестовидными псалиями, найденным в Северо-Западном Причерноморье[15]. Вопреки заключению А.В. Симоненко, эти предметы отличаются от кубанских находок целым рядом специфических деталей и по этой причине не могут быть «индикатором» меото-сиракских древностей Северного Кавказа[16].

2. Бронзовые сосуды: литые котлы скифских типов (Бубуечь, Великоплоское), латенский таз или котел с железными ручками (Великоплоское) и импортные кованые ситулы с железными ручками (Марьевка, Новые Бедражи, Веселая Долина).

Концентрация находок таких ситул именно в нижнем течении рек Северо-Западного Причерноморья очевидна: к упомянутым «кладовым» ситулам можно добавить аналогичные находки из Сипотен и Бэдени. В восточных регионах Причерноморья таких сосудов известно только два (Новочеркасск и хут. Северный).

Значительный процент вотивных кладов, помещенных в металлический сосуд – еще один отличительный признак западно-причерноморской группы. Здесь таких случаев известно пять (Бубуечь, Веселая Долина, Марьевка, Великоплоское, Новые Бедражи), тогда как на восточной периферии «кладового» ареала – всего два (Левая Россошь и Качалинская).

3. Предметы вооружения: наконечники стрел, наконечники и втоки копий. Характерный признак – их повреждение. Наконечники стрел всегда помещались в клад без древок, часть наконечников копий было согнуто.

4. Элементы защитного доспеха: импортные шлемы псевдоаттического типа (Гэвани, Бубуечь) и типа Монтефортино (Марьевка, Беленькое, Веселая Долина). Оба типа шлемов распределены по территории Северного Причерноморья в целом равномерно, но с некоторым количественным преобладанием в восточной части ареала.

5. Детали поясной гарнитуры: кольца и пряжки латенского (Бравичены, Марьевка) и «позднескифского» (Веселая Долина) типов. Это еще одна категория находок, которая отмечена в составе кладов только на территории Северо-Западного Причерноморья.

6. Сосуды для питья: чаши из различных материалов – стекла (Семеновка), серебра (Великоплоское), серебряные и золотые оковки деревянных сосудов (Гэвани, Великоплоское, Веселая Долина). Вне зоны Северо-Западного Причерноморья серебряные сосуды в составе вотивного клада встречены лишь однажды (Булаховка)[17], а оковки деревянных сосудов пока неизвестны. Таким образом, и этот признак для западно-причерноморской группы является одним из определяющих.

7. Керамические сосуды. Эта категория находок непосредственно в вотивных кладах не встречена, но в трех случаях (Семеновка, Снигиревка, Новые Бедражи) рядом с местом находки кладов обнаружены разбитые амфоры, а еще в одном (Твардица) вместе с двумя амфорами найдены чернолаковый и лепные сосуды.

Вопросы этнокультурной принадлежности и хронологии.

Даже краткий обзор вотивных кладов Северо-Западного Причерноморья показывает, что они имеют целый ряд выразительных локальных черт, отличающих их от подобных находок на остальной территории Северного Причерноморья.

Сейчас уже для многих очевидно[18], что наиболее результативным оказывается сопоставление вотивных кладов Северо-

Западного Причерноморья с Тираспольской группой курганных могильников как по составу находок, так и в хронологическом аспекте.

Поэтому нет оснований считать вотивные клады Северо-Западного Причерноморья результатом сарматского присутствия и, тем более, кратковременного рейда сираков Прикубанья в составе войск Митридата VI Евпатора в начале I в. до н.э.[19] Значительная часть этих кладов датируется III – первой половиной II вв. до н.э., и может быть сопоставлена с историческими событиями именно этого промежутка времени.

Очевидно, что традиция вотивных кладов – это особое явление в археологических культурах Восточной Европы эллинистического времени (III-I вв. до н.э.). На различных территориях эта традиция имела свои локальные черты, которые к тому же изменялись со временем.

Еще одна важная проблема, которая не может быть пока решена окончательно, это этнокультурная атрибуция погребений Тираспольской группы. Мнение об их сарматской/сиракской принадлежности, сформулированное в первых обобщающих работах по результатам новейших раскопок [20], затем было аргументированно оспорено[21]. Если же говорить о вотивных кладах Северо-Западного Причерноморья как одной из составляющих культуры Тираспольских курганов, то в них отчетливо выражены «скифский» и «европейский» компоненты при практически полном отсутствии признаков археологических культур, расположенных к востоку от Дона[22].

---

[1]Яценко И.В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА. № 89. – 1962; Гущина И.И. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. МИА СССР. - № 169. – 1969.

[2]Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф., 1984. Комплекс предметов скифского времени из с. Великоплоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев; Симоненко А.В., 1993. Клады снаряжения всадника 2-1 вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар; Симоненко А.В., 2001. Погребение у с.Чистенькое и "странные" комплексы последних веков до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып.4. Волгоград; Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.; Mordvintseva V., 1999. A Typology of tne Sarmatian phalerae III Century BC - II Century AD // Acta Archaeologica. Vol. 70. København; Mordvintseva V., 2001. Sarmatische Phaleren. Rahden.

[3]Трейстер М.Ю., 1992. Кельти у Північному Причорномор'ї. Археологія. № 2; Щукин М.Б. 1994, Op. cit.

[4]Симоненко, 1993, Op. cit.

[5]Mordvintseva, 1999, Op. cit.

[6]Симоненко 2001, Op. cit.; Симоненко А.В., 2005. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар; Раев Б.А., Симоненко А.В. 2007. «Странные комплексы»: от эпохи Латена до Могилы неизвестного солдата // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Часть II. СПб.

[7]Щукин, 1994, Op. cit.

[8]Kurz. G**.,** 1995 Keltische Hort- und Gewässerfunde in Mitteleuropa Deponierungen der Latènezeit. Stuttgard.

[9]Симоненко А.В., 1982. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии. Киев; Дзис-Райко, Суничук, 1984, Op. cit.

[10]Трейстер, 1992, Op. cit.

[11]Щукин, 1994, Op. cit.; Виноградов Ю.А., 1999. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (своеобразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II вв. до н.э.) // Hyperboreus: studia classica. Vol. 5. Fasc. 1; Яровой Е.В., Четвериков И.А., 2000. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глинное) //Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь; Дзиговский А.Н. 2003. Очерки истории сарматов карпато-днестровских земель. Одесса.

[12]Полин С.В., 1992. От Скифии к Сармати. Киев; Симоненко, 2001, Op. cit.; СимоненкоА.В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар; Симоненко, 2005, Op. cit.

[13]Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. № 3; Зайцев Ю.П., 2005. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар; Зайцев Ю.П., 2007. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии 3 в. до н.э.) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Часть II. СПб., 2007; Мордвинцева В.И., 2008. Фалары из вотивных кладов Северного Причерноморья 3-1 вв. до н.э. и сарматская парадигма // Вестник Древней Истории. № 1.

[14]Мордвинцева В.И., 2001. Декоративные пластины из Бубуеча // РА. № 2.

[15]Симоненко, 2001, Op. cit.

[16]Зайцев, 2005, Op. cit.

[17]Относительно Ахтанизовского «клада», где также встречены серебряные сосуды, есть большие сомнения в том, что единый комплекс.

[18]Яровой, Четвериков, 2000, Op. cit.; Дзиговский, 2003, Op. cit.; Зайцев, 2005, Op. cit.; Зайцев, 2007, Op. cit.

[19]Симоненко, 2001, Op. cit.; Симоненко, 2004, Op. cit.; Симоненко, 2005, Op. cit..

[20]Яровой, Четвериков, 2000, Op. cit.; Четвериков И.А., 2002. Варварское население Нижнего Днестра во второй половине 3 в. до н.э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь; Дзиговский, 2003, Op. cit.

Глебов В.П., 2004. Тираспольская группа памятников Поднестровья – сарматы, сираки, скифы // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Вип. XI. Запоріжжя; Симоненко, 2005, Op. cit.
[22]Зайцев, 2005, Op. cit.; Зайцев, 2007, Op. cit.

Иванова С.В., Субботин А.В., Анохин Е.В. (Одесса, Украина)

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК У С. БУРЛАЧЬЯ БАЛКА В ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В 2007 г. экспедиция Института археологии НАНУ проводила исследования на полях вблизи с. Бурлачья Балка Овидиопольского района Одесской области, на расстоянии около 1,5 км к востоку от села (строящийся жилмассив Совиньон-4). В результате системной шурфовки поля (шаг 20 м) был выявлен грунтовый могильник (какие-либо опознавательные знаки, насыпи, нарушения почвенного слоя отсутствовали).

Могильник состоял из пяти захоронений.

Погребение 1 обнаружено в шурфе 109, на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности. В 0,2 м к западу от западной ее стенки был установлен условный репер. Яма удлиненных подпрямоугольных очертаний, ко дну сужается, ориентирована по линии З-В. Длина на уровне обнаружения 2 м, ширина в изголовье 0,65 м, в ногах – 0,55 м, южная стенка вогнута. Глубина погребальной камеры – 0,8 м от уровня обнаружения (-1,3 м от современной поверхности), заполнение черноземное. Ко дну яма приобретает удлиненно-овальные очертания и следующие размеры: длина 1,8 м, ширина в изголовье 0,5 м, в ногах – 0,35 м. В верхней части ямы, в заполнении, в головах и ногах погребенного, зафиксированы остатки жердей (диаметром 2-3 см) от поперечного перекрытия. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кистью лежит на крестце. Погребальный инвентарь отсутствует. Подстилка либо циновка не зафиксированы.